

С. ЭПШТЕЙН

6.VI

1391.

ПО ЕВРЕЙСКИМ ПОСЕЛКАМ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

председателя 1-й Полтавской рабоч. делегации
по ознакомлению с евр. переселенч. поселками.

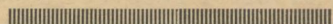
С предисловием К. ТАРАНЕНКО.

С 10 фотографическими снимками в тексте.

Центральна Наукова
Бібліотека при АН
Київ

1929
662

БЕ
НАУКОВИ
БІБЛІОТЕКА

ИЗДАНИЕ УКРОЗЕТА

1928

145
64

498102

58

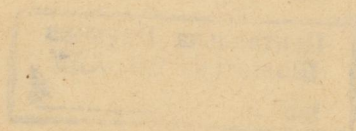
IV. d

1981

ПОСЕЛКАМ ПО ЕВРЕЙСКИМ

1-я совтипография „Полтава-Полиграф“
№ 351—611.

Окрит № 1237-Полтава. Тираж 5000.

1981
1237

НАЗНАЧЕНИЕ КНИЖКИ

1938

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вокруг вопроса о еврейском переселении поднялось столько наглых выдумок и злостного шептания враждебных нам классовых элементов, что уже назрела серьезная необходимость сказать об этом переселении веское слово правды, слово о действительном положении еврейского переселенческого дела.

На каждом сельском сходе и рабочем собрании часто получаешь записочки без подписи такого, примерно, содержания: „Почему крестьян не переселяют на юг Украины, а переселяют только евреев? Не лучше ли было бы использовать деньги, которые вкладываются в еврейское переселение, на кредитование украинского сельского хозяйства? Действительно ли хоть половина переселенцев-евреев сама работает на земле?“

И еще много, много подобных ядовитых записок...

Для нас вполне понятно, откуда идут эти записки. Это—результат работы непманско-кулацких слоев города и села, направляющих последние силы для того, чтобы вооружить против советской власти селянство и отсталые слои рабочего класса, чтобы использовать старую национальную вражду, проклятую темноту, некультурность, предрассудки, оставшиеся нам в наследство от времен царизма.

Рассеять предрассудки, разорвать темноту лучем правды, освещающим действительное положение еврейских переселенцев—вот для чего нужна нам брошюра Полтавской рабочей делегации, написанная тов. Эпштейном.

К сожалению, брошюра эта освещает больше внешние формы жизни переселенцев, уделяя мало внимания оценке внутренних сил переселенческих хозяйств, не дает картины состава бюджетов отдельных переселенческих семейств, не исследует самих бюджетов. Однако, написанная живым языком и легко читаемая брошюра эта безусловно заслуживает

огромного внимания, является интересной и ценной работой, и должна найти широкое распространение среди рабочих, крестьянских, трудящихся масс.

Я твердо убежден в том, что всякий, сомневавшийся, даже мало сведущий и мало подготовленный, прочтя брошюру, присоединится к мнению рабочего Беконной Фабрики т. Гречко, который сказал: „Я не верил в еврейское хлебопашество, а теперь верю, т. к. убедился, что евреи могут хозяйствовать не хуже украинского крестьянства“. И вывод этот будет вполне правильным, ибо еврейское трудовое население действительно показало и доказало, что оно хочет, может и умеет работать у плуга, у трактора.

Октябрьская Революция разрешила не только вопрос осуществления диктатуры пролетариата в нашей стране. Октябрьская Революция вместе с этим единственно верно разрешила и один из самых больных вопросов человечества — вопрос национальный. Бывшая царская Россия — тюрьма народов — стала братским союзом добровольного сотрудничества народов. Только в Советском Союзе возможна такая товарищеская атмосфера еврейского переселения, какую мы имеем.

Потому-то и не страшно нам ядовитое шипение тех, кто хочет сорвать нашу грандиозную работу социалистического строительства. Яркие лучи действительной классовой правды великого дела привлечения трудового еврейского населения к сельско-хозяйственному труду обезоружат врага.

Пусть растет, развивается и крепнет трудовая семья евреев-земледельцев! Пусть ширится коллективное творчество еврейских поселков!

Привет Вам, пионеры новой жизни!

К. Тараненко.

Секретарь Полтавского Окр. Парт. Комитета КП(б)У.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА.

Пишущий эти строки не является ни писателем, ни журналистом, но лишь гражданином, принимавшим участие в рабочей делегации г. Полтавы по ознакомлению с еврейскими переселенческими поселками и пытающимся передать на бумаге свои впечатления и результаты наблюдения.

Я не претендую на признание, что все виденное—исчерпывающе описано. Эта роль принадлежит людям пера, мастерам дела. Я лишь дал путевые заметки и мысли, высказанные вслух. Нужно ли было это печатать? Не является ли напечатание этих заметок лишней тратой типографских средств, необходимых для более полезных целей? Я считаю, что эта брошюра не лишняя.

История еврейского трудового переселенчества еще не пишется,—ей отводится лишь будущее, а факты живут сегодня и, притом, быстро и часто меняясь. Много ценного для историка пропадает сегодня только потому, что в свое время не нашлось достаточного количества любителей-коллекционеров, любителей-фотографов. Вот почему я считаю, что всякий бытовой материал, в свое время зафиксированный, тщательно сохраненный—пусть и в необработанном виде—будет использован будущим историком земельного устройства еврейской бедноты в СССР.

Если читатель учтет при этом всего лишь 10-ти дневную поездку, тяжелые условия работы делегации, недостаточность времени для обработки материалов, то критика будет менее жестока и, вероятно, более справедлива.

Не могу не выразить благодарности т. Лазько, члену секции научных работников народного образования Полтавщины, давшему своими фото-съемками, печатающимися в этой брошюре, возможность увидеть читателям то большое, что существует, растет и развивается на полях еврейских поселков и что подкрепляет скромный язык фактов

и цифр. Нужно, однако, признать, что моя благодарность значительно скромнее той, которую высказали ему еврейские переселенцы, слушая его речи на собраниях и видя его неутомимость, с фотографическим аппаратом в руках, во всех уголках переселенческих поселков.

Автор.

1. В путь.

Второй звонок. Свисток кондуктора, и поезд плавно уносит нас от вокзала „Полтава“. Сквозь ночную прохладу в вагон слабо врывается неясный шум удаляющегося города и мигающий свет разбросанных фонарей.

Мы, делегаты, в количестве 9 человек, устраиваемся на своих местах, делясь впечатлениями истекшего дня. Посыпались рассказы, как невозможно было достать литературы для поездки, как пришлось в последний час выискивать маршрут поездки, как неохотно и медленно выдавались делегатам деньги из профсоюзных касс.

Поговорили обо всем и улеглись.

Вначале колеса шумно выстукивали свой ход, а затем все тише и тише, и наконец глухо и мягко, до того, что глаза сковала дремота, голова отяжелела...

Убаюкиваемые раскачивающимся вагоном, мы скоро и незаметно уснули.

* * *

Станция Калачевская. Рядом со станцией раскинулся громадный рудник. Где-то вдали высыпает руду и от нее поднимается густое темное облако. На перроне вокзала много рудничных людей. Все они красные от загара и осыпаны густой коричневой пылью. Пыль лежит всюду и на домах, и на дорогах, и на деревьях.

Мы отъезжаем от станции, а с правой стороны от нас расплескалось озеро, коричневого цвета, в котором купаются такие-же коричневые люди. Вода проходит под мостом и мы явственно различаем ее цвет и будто ощущаем жесткую железистую воду.

„Должно быть здоровая, железа много“— рассуждают некоторые.

„Нет, она стала темной оттого, что шахтеры в ней моются“— возражают другие. А поезд мчит нас уже мимо редких колосьев поздно поспевающих культур и мимо полей,

зияющих серой лысиной, изредка прикрытой копнами скопленного хлеба. Степь расстилается перед нами все шире и шире и мы скоро убеждаемся, что она безжизненна и скована муками жажды и недорода.

* * *

Совместно с харьковской рабочей делегацией, мы гурьбой вваливаемся в зал заседаний Криворожского Окрисполкома.

У стены, сбоку карты округа, стоит секретарь Окрисполкома, рядом с ним зав. нацменом. Мы плотно окружили их. Секретарь Окрисполкома делает нам сообщение о переселенчестве в округе.

„Вот это—территория еврейских поселков“—водит он по карте, очерчивая квадратики, населенные переселенцами—„а вот это—пустующие, неосвоенные еще участки“.

— До 700 нарядов еще не использовано, ждем переселенцев. Теперь переселенцы уже устроились сносно, раньше хуже было. Кулаки противодействовали, бывали угрозы. Взаимоотношения между украинским и еврейским населением теперь хорошие, особенно среди молодежи.

— Какие недочеты?

— Нет национальных сельсоветов, которые могли бы полнее обслужить переселенцев. Недостаточна сеть культурно-просветительных учреждений; нет радио, кино, сельбуда, а ведь ко всему этому в своем большинстве привыкли евреи, как жители городов и местечек.

— Заметен ли „отход“ переселенцев?

— „Отход“ переселенцев из числа осевших—небольшой, не больше среднего $\frac{0}{10}$, существующего вообще в переселении, а из числа получивших наряды, но не осевших—большой. Причины разные: непри приспособленность к земледелию, боязнь этого нового для них вида труда, связь с прежней жизнью. Бывали случаи отхода из поселков по причинам того, что дети не смогут получить такого образования, как в городе.

— Среди переселенцев заметна тенденция к объединению. Имеется уже 17 машинно-тракторных товариществ. Посевы в своем большинстве хорошие, не хуже, чем у окрестного населения. Тяжело переселенцам в этом году: неурожай

застал их врасплох. Правда, Окрисполком принимает меры к оказанию помощи переселенцам посевматериалом и фуражем. Разрабатывается план перевода всего племенного скота в Совхозы и на сахарные заводы для сохранения до будущего года. Будет оказана также помощь натурой для питания.

— Окрисполком,— заверяет нас секретарь твердо и убежденно,— не забывает ни на минуту переселенцев нашего округа и не даст погибнуть этому великому начинанию.

Мы проникаемся доверием к его словам. Цифры и факты. Никаких прикрас и пустых обещаний. Чувствуется, что здесь понимают политику партии и власти, по-пролетарски и по-шахтерски же проводят в жизнь.

Мы засыпаем докладчика вопросами, на которые он еле успевает ответить. Знакомим его с собой, рассказываем о целях и задачах поездки делегаций, оглашаем наказания. Он удовлетворенно улыбается, польщен, что их округ не обойден, что рабочие Полтавы и Харькова интересуются ими и продолжает с прежним же терпением и спокойствием рассказывать о жизни и быте переселенцев.

Становится поздно. Прекращаем расспросы. Выработываем маршрут, записываем сведения.

Завтра утром на машинах—в переселенческие участки.

Завтра!.. Завтра!.. Что-то мы увидим? То-ли в панике бегущих с полей местечковых евреев, то-ли окрестянившихся переселенцев, спокойно переносящих удары природы, не давшей дождей прекрасно разработанным и засеянным полям?

2. Ларинское.

Три машины быстро мчатся по пыльной дороге. Далеко позади остался Кривой Рог, а впереди те же степи с чахлой, изможденной растительностью.

Наша первая остановка — Ларинский Сельсовет, который охватывает 3 еврейских поселка и 1 украинское село. В этот же сельсовет входит и поселок наших земляков-полтавчан им. Гроссера. Мы под'езжаем к еврейским поселкам. Издали, насколько может охватить глаз, видны ряды домов, которые кажутся красивыми игрушечными домиками, расставленными прилежной рукой, планы для которых будто вырезаны из детских книжек и альбомов.

Машины мчат нас все быстрее и быстрее. Шоффер, знающий здесь не только каждый поселок, но и почти каждого переселенца в отдельности, уверенно ведет машину и скоро мы видим уже отчетливей шахматы полей и огородов, черепичные крыши, белые очертания домов и ровные линии улиц.

Еще усилие машины, сигнальный звук, и мы останавливаемся у Ларинского Сельсовета. Небольшое помещение, нанимаемое у переселенца, скоро наполняется делегатами и перед нами растерянно вырастает председатель сельсоветов. Станиславская. Смуглая, небольшого роста, с живыми умными глазами, „председательша“ не успевает нам жать руки. Мы осыпая ее вопросами, на которые она еле успевает нам отвечать, и, наконец, приходим к соглашению: мы разбиваемся на группы, — часть пойдет по поселку, а часть — займется ознакомлением с работой сельсовета.

Мы выходим на улицу и встречаем окружившую наши машины толпу взрослых и детей всех возрастов. Нас спрашивают: „откуда вы, кто, на долго ли“. Мы отвечаем, подходим к отдельным лицам, расспрашиваем и записываем.

Сельсовет состоит из 9 членов и 2 кандидатов к ним.

Существуют комиссии: административная, санитарная и культурная.

Имеется до 60 чел. актива, помогающего сельсовету в его работе. Имеется также КНС — объединяющий 110 чел.

Прошла хлебозаготовительная кампания, излишки хлеба были проданы.

Реализовано облигаций на 2200 руб. (90% задания). Даже 1 выигрыш пал на держателя облигации из переселенцев.

Прошло и самообложение. Немного пока — на 400 рублей (от с.-х. налога переселенцы освобождены), деньги пошли на организацию детской площадки.

Самообложение прошло дружно, без лишних разговоров: „для себя даем — нужно“. Имеется парт'ячейка в 10 чел., комсомольская ячейка в 42 чел. В ячейки входят и украинские т.т. из ближайшего села.

В поселках тихо и спокойно, воровства нет, не было и случаев пожара.

— Кто она, председатель?

— Зачем вам знать? Переселенка.

Говорит неохотно и скупно. Ну, что тут такого? Она — председатель сельсовета и член ВУЦИК'а. Сама из Прилук. Была работницей на сахарном заводе, а впоследствии на профработе.

Работает здесь второй год. Справляется с работой. Тяжело приходится, но справляется. Отвечает, бросая слова, словно желая высказать скрытую мысль: „ну зачем это вам, ребята? Обыкновенная работа и ничего особенного я не вижу“.

А мы видим и „особенное“. В переселенческих поселках, где работа значительно труднее и сложнее, нежели в старых селах, — первым председателем еврейского сельсовета — женщина.

Женщина возглавляет высшую власть на месте, она же — член верховного органа власти Украины.

В этом незначительном по внешности факте — скрыт большой символ: раскрепощается местечковый еврей, приобщаясь к труду, и сразу же переходит на высшую ступень труда и быта. Культурнее быт, культурнее хозяйство и, сразу же, как вызов, как лозунг — „женщина — председатель, женщина — организатор“. Тот факт, что первым председателем Ларинского Сельсовета является женщина — говорит о том, что переселенцы и во всем прочем будут активно участвовать в социалистическом строительстве.

Наша машина утыкана, как булавочными головками, ребятами из детского сада.

В обнимку они сгруппировались на машине, схваченные фото-аппаратом члена нашей делегации т. Лазько и приготовившиеся к катанию, обещанному шоффером.

Они стояли на машине, радостно улыбаясь. Карапузы от злет. Розовые. Полные. В трусиках и рубашках, а некоторые с упругими животиками наружу.

„Тише, Маничка, успокаивает свою сестричку другая 6-ти летняя девчурка с темными волосами и глубокими глазами,— мы сейчас поедem. Не бойся—это не страшно“.

Щелчок аппарата, завод машины и скоро сноп движущейся пыли указывает направление уехавших кататься детей.

Мы идем в детский сад. Большие, просторные комнаты школы. Ряд кроваток. Чисто и уютно. Ясли и сад охватывают 75 детей,—почти всех дошкольников. Существуют на средства от самообложения и дотаций Окрпомдета и Окрздрава.

Ясли и сад обслуживают детей не только этого, но и окрестных поселков.

— Как они сюда попадают?

— Очень просто; каждый поселок ввел дежурство подвоз и детей ежедневно привозят и увозят на подводах. Кормят их хорошо, имеется недурной штат педагогов и обслуживающих, и матерям не приходится жаловаться — они освобождены на целый день от забот и хлопот по уходу за детьми.

Мы обходим комнаты, щупаем постельки (постели не для всех, а лишь для самых маленьких), присматриваемся к кухне и убеждаемся, что здесь далеко не плохо и что подобные ясли-сады „не мешало бы“ иметь и старым еврейским колониям, на много отставшим в бытовом и культурном отношении от еле оперившихся переселенческих поселков.

* * *

— Кто они такие?

— Я могу рассказать, если это вас интересует.

Она снимает с рук сосущего ломоть хлеба двухгодовалого карапуза, загоревшего, как и все в поселке, полного и крепкого, незнающего скученных домов еврейских местечек и зловония их улочек, и рассказывает нам о себе.

Они из Коростеня. Муж — бывший кровельщик. Семья состоит из 6 душ, трудоспособных же лишь 2. Земли 12 десятин, по 2 дес. на душу. Имеют корову и лошадь.

Было ли им трудно? А как вы думаете? Так трудно было, что и не рассказать. Работали вдвоем с мужем. „Спрягались“ с соседями. Как работать на земле — совершенно не знали.

Разве кровельщики умели работать на земле?

Мы только видели как работали, а сами не умели. А теперь — ничего: работаем сами и уже справляемся. Было бы только над чем. Неурожай нас убил...

Что будем делать — не знаем...

Надо и кушать и скотину прокормить, а урожая никакого.

Думаем, что нас не забудут, ведь мы теперь настоящие селяне! — заканчивает она с гордостью, а карапуз тербит ее за подол и тянется за вторым ломтем хлеба.

Мы записываем каждую мелочь, а она высчитывает нам количество предполагаемого посева, — сколько будет озимого, сколько земли останется под яровые, пропашные, сколько корму нужно для скота и я удивленно слушаю ее. Откуда это взялось? Как это сумела так быстро — за 2 года — еврейка из Коростеня познать механику земледелия? Откуда эта любовь к земле, скоту и расчеты о посевах?

Простая ли тут боязнь голода или это говорит человек, познавший новые красоты бытия, новый смысл труда, человек, приобщившийся к новому труду.

И я вспомнил „еврейку“, описанную Куприным, еврейку из корчмы, и мне хотелось ему крикнуть туда, за границу:

„А вы, Куприн, хоть и незаурядный писатель, а вот этого предвидеть не могли!“

Впрочем, многие ли из более дальновидных это предвидели.

И мало ли еще каркают и теперь, мало ли выставяющих на показ болезни переселенчества и закрывающих в то же время от посторонних глаз все достижения и завоевания в этой области!

3. Поселок им. Гроссера.

Мы под'езжаем к поселку им. Гроссера, объединившему наших земляков — из г. Полтавы. Не успеваем остановиться, как многие из переселенцев уже приветствуют нас: оказывается, что они знакомы по Полтаве с большинством членов нашей делегации.

Мы останавливаемся во дворе, где живет т. Ритво, и скоро нас окружают „земляки“, расспрашивая о Полтаве, об урожае, о происшествиях и т. п.

Мы узнаем, что поселок состоит из 37 дворов. Все находятся здесь по 2-3 года; оставивших поселок — нет.

Положение незавидное: неурожай, старых запасов нет, и настроение в связи с этим угнетенное.

— Ну, а как было в прошлом году?

— В прошлом году было не плохо. Урожай, хотя был и не блестящий, но хлеба и корма хватало. Кое у кого были излишки, у некоторых и не хватило с весны, но в общем в поселке голода не было.

„Если бы был урожай, — нам бы ничего и не нужно было: скота достаточно, с работой свыклись, заканчиваем обстраиваться, виноградник дает в этом году первые плоды, — да вот неурожай нас подкосил“.

И в этих жалобах не было ничего панического, ничего лишнего. Так говорит селянин и не-еврей, так переносит неудачу всякий хлебороб, у которого десятина едва возвращает вложенные в нее семена.

Мы втягиваемся в разговор. Говорим о планах Окрисполкома, о положении в остальных местах Украины, о работе ОЗЕТ'а, и они понемногу успокаиваются, чувствуя, что они не одиноки и что их не забыли.

Мы выходим во двор. У веялки стоит Ш. с соседом: веят только что обмолоченный ячмень. Босые и огрубевшие, в пыли, они насыпают в мешки результаты урожая. Член делегации, тов. Лемишко (рабочий паровозостроительных мастерских), берет из кучи ячменя пригоршню, потряхивает

на руках и, перебирая зерна, говорит: „хороший ячмень; немного пригорел, однако, хороший“. Присутствующие, польщенные похвалой, наперебой рассказывают какое зерно у них было в прошлом году, как окрестные селяне — украинцы — брали у них зерно для посева, как тщательно они сеяли в этом году и т. п. И в их разговоре чувствова-

1. Веят ячмень.

лось столько удовлетворения своей работой, столько уверенности в себе, что невольно хотелось позвать им ободряюще руки и поблагодарить за услышанное.

У них имеется виноградник — 5 десятин на 10 — 12 хозяев.

Мы идем на виноградник и видим высокие, зеленые кусты, опирающиеся на ряд стройных кольев; между кустами чисто, ни соринки, ни травинки. Кругом проволоочная изгородь. В кустах свисающие грозди еще неспелого винограда.

Опять, как и раньше, рассказы, как садили, как охраняли, как боролись с „болезнями“ винограда и т. п.

„А теперь,— говорят они,— мы площадь виноградника расширим. Видим, что доходное дело для хозяйства. Через 2—3 года оно сумеет полностью поддержать нас и в неурожайный год“.

Климат здесь хороший для винограда, работа по душе переселенцам, и можно надеяться на самые благоприятные результаты.

Во дворах видим лошадей и жеребят. Коровы пасутся. Расспрашиваем о количестве. Оказывается: безлошадных нет, у кого одна-две лошади, а в отдельных хозяйствах и 3. Есть пара хозяйств 4-х лошадных. Эти уже совсем прочно осели. Зимой будут заниматься извозом, уж больно манят к себе рудники.

Есть в поселке и черепичный „завод“. Вначале это был коллективный, теперь перешел в с.-х. товарищество, которое находится в пос. Красино и объединяет и грассеровцев. Черепичное производство выпускает цементную черепицу и круги для колодцев. Месячная выработка до 10.000 шт. черепиц и до 100 кругов.

Мы фотографируем рабочих, стоящих у форм и выпускающих свежие, едва застывшие, серые плитки черепиц, и уходим дальше, чтобы осмотреть дворы, поля, огороды и... ставки, в котором они развели уже рыбу.

Дома большие, даже слишком большие для селянского хозяйства, к тому же для переселенческого.

Эта затея — большого размера дома — стоила Джойнту¹⁾ много лишних денег и будет немало стоить и переселенцам. Строили без опыта и на широкую ногу. Хотели прельстить переселенца большим домом полугородского типа, и в результате... дом стоимостью около 1000 рублей (а в некоторых местах и 1200—1300 руб.), имеет 2-3 больших комнаты, с большими окнами и вызывает недовольство переселенцев количеством пожираемого топлива.

— С'едает всю солому — жалуются переселенцы — приходится переходить на уголь.

Конюшни находятся под одной крышей с домом. Некоторые дома имеют деревянные ограды.

Виднеются сараи, погреба, скирды соломы, земледельческие машины.

Дома застрахованы не только в обязательном, но и в добровольном порядке.

— Как хозяйничают?

¹⁾ „Агро-Джойнт“ — Американская благотворительная организация еврейской буржуазии и мелкой буржуазии.

По указаниям агрономов. Сеют травы (суданку, люцерну) и вводят пропашные и интенсивные культуры.

Все имеют коров, безкоровных нет.

У многих по 2—3 головы. Большой процент красно-немецкой породы (25—30%), а остальные — серо-украинской.

Молоко сдают на сыроварню, которая находится при с.-г. товариществе. Получают оттуда жмыхи и отруби.

Скот застрахован также и в добровольном порядке.

Имеют уже большое количество молодняка более высоких пород, который они вскармливают вручную, не подпуская к коровам.

Мы интересуемся социальным составом жителей поселка.

Оказывается: 25% бывш. рабочих и служащих,

50% бывш. кустарей,

25% бывш. мелких торговцев.

Теперь для нас становится еще более понятной их гордость достижениями. Ими могут и должны гордиться все советские люди. Если за 2—3 года работы бывш. служащие, кустари и торговцы сумели создать то, что мы видели теперь на пустовавших ранее полях Криворожья — разве это не достижения?..

И слабый, едва уловимый шелест кустов виноградника, тонкое блеяние телят, и развевающаяся из под веялки полова разносили кругом новый аромат полей и стройный ритм труда, глубоко внедряющийся в жизнь и быт переселенца.

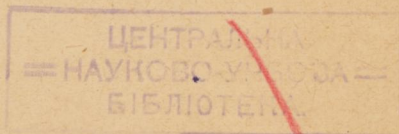
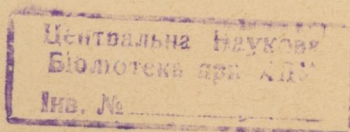
* * *

Мы садимся в круг, и тов. Ритво нам рассказывает о жизни поселка. О себе он ничего не говорит, да и зачем? Мы о нем слышали уже раньше и так много, что он ничем не сможет дополнить свою характеристику.

Проживал он в Полтаве с 1916 года. По профессии маляр. В коммунистической партии с 1920 года, а до того был членом Бунда.

Среднего роста, черный и обросший, он невольно обращает на себя внимание, несмотря на то, что старается держать себя все время в стороне.

Когда он говорит о поселке — перед тобой мысленно вырастает тип пионера-колониста, полуэнтузиаста и полугероя из породы тех, которые переселяются в Южную

Америку, или Трансвааль, ища не столько материальных благ, сколько новых путей для своих братьев и новых форм жизни. В нем все подкупает: и нежелание рассказывать о себе, и любовь к поселку, и беспредельная преданность переселенческому делу, поднятому им первым в Полтаве 4 года тому назад.

И нужно признаться, что авторитет т. Ритво среди переселенцев велик.

Ритво слушают, к нему ходят за советом; он — уполномоченный сельсовета по поселку, он организатор и проводник всяких новых форм.

Сколько труда, энергии и самоотверженности нужно было положить на этой работе, чтобы получить крепкий авторитет у бывш. торговцев, относящихся по традиции к рабочему, как к человеку низшей породы, как к человеку иной касты...

— Как он организовал этот поселок?

Еще в 1919-1920 г. он организовал под Полтавой коллективный огород рабочих на 12 дес. земли. Наступило оживление промышленности, и коллектив распался, а рабочие ушли на производство, перестав „самообслуживаться“ и „самоснабжаться“. Поднимается вопрос о землеустройстве евреев на земле. Собрал 40 семей. Сколотил коллектив. Приехали сюда: голая степь — ни усадьбы, ни деревца. Кругом мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая степными насекомыми. Приступили к работе... С Полтавой, однако, связи не теряли. Там они арендовали мельницу и пекарню и строили свой бюджет не на сельском хозяйстве.

Все жили в Полтаве, за исключением одного члена от каждой семьи, который должен был жить в поселке, обстраиваясь и поднимая землю.

Наступил второй год, и коллектив стал распадаться; трудно строить коллектив из такой неоднородной массы с различными тенденциями, привычками и навыками к труду.

Начался передел земли по подворным нормам, раздел виноградника, ликвидация черепичного производства и... зажили обыкновенным селянским индивидуальным хозяйством, разводя каждый в отдельности „свою“ скотинку и „свою“ курицу и отгораживаясь от соседей забором.

— А как устроили ставок? — Э, да что там. Видим по балке течет вода, которая летом высыхает. Появилась мысль создать что-нибудь ценное, использовать воду.

Организовали трудовую повинность, и скоро сотни подвод привезенной земли перегородили ход воде, превратив таким образом бесценную балку в пруд. Пустили рыбу.

2. Пруд (ставок).

Следили за тем, чтобы не ловили ее и не загрязняли воду. Регулярно чистили. И вот наступает второй год, и поселок начинает уже питаться рыбой из собственного ставка.

А сколько крику было раньше! Сколько негодования по поводу бесполезности этой работы!

— А сколько проклятий сыпалось на голову Ритво! — добавляем мы, и он застенчиво смотрит вниз, точно прося прощение за глупость и косность окружающих его людей.

Как будто в подтверждение слов своего хозяина о жизни поселка, выскакивает из конюшни Ритво годовалый жеребец. Высокий, с красивой шеей и звездочкой на лбу, он яростно фыркает и перебирает своими стройными, тонкими ногами. На минуту удается его схватить, но он быстро вырывается и резко мчится от нас по деору.

— Матка погибла, и жеребенок осиротел — говорит нам со вздохом Ритво. И мы ему искренно сочувствуем, видя, как одиноко, будто что-то ища, бегают по усадьбе годовалый жеребец, который должен служить показателем хозяйствующего и растущего поселка.

Долго еще рассказывает нам Ритво о том, как организовывался и как живет поселок, и в наших глазах еще более выростала благородная фигура этого партийца-организатора, — рабочего на селе, горожанина в качестве пионера еврейского переселенчества на землю.

.
Вечереет. Переселенцы возвращаются с поля. На возу сидит девочка и подхлестывает лошадей. На следующем возу с зеленой, свежескошенной травой сидят несколько парней. Навстречу движется стадо плотно упитанных коров с большими набухшими вымями.

Девочка лет 12-ти скачет по-мальчишески на лошади, гоня на водопой лошадей.

Кругом разносится мычание коров и лошадиный топот, в воздухе стоит облако пыли, а над всем этим важно надвигаются сумерки и свежая прохлада июльской ночи.

* * *

* Есть и новое в быту.

В поселке имеется два случая женитьбы на не-еврейках. В одном случае женитьба на батрачке-украинке: записались в ЗАГС'е и, говорят, живут дружно. Ожидают увеличения семьи. Мы ее не видели, она где-то хлопочет у коровы, а он помогает веять ячмень. Другой случай менее характерный и менее понятный: они оба утверждают, что они не муж и жена, а „так просто“ — она у него „за батрачку и хозяйку“. Однако, соседи знают, что они муж и жена. Она стремится попасть в профсоюз, но сельком союза не принимает, считая, что между ними нет трудовых взаимоотношений. Она жалуется нам на несправедливость со стороны сельсовета и селькома. Мы осторожно расспрашиваем ее и задаем вопрос: „а много ли она получает и сколько ей следует?“ Она, краснея, смущенно отвечает: „за несколько лет, несколько сот рублей“. Для нас ее „служба по найму“ становится менее непонятной и, пожелав им счастливой жизни, мы удаляемся.

* * *

... А ночью, когда улеглась вечерняя суматоха и когда в окнах засветился скупой свет, мы открыли общее собрание.

Кругом было темно и мы не знали, сколько людей нас окружило. Думаем, что все жители поселка. Вначале было тихо, а затем молодежь разогнала тишину комсомольскими песнями и шутками.

Повестка собрания короткая: знакомство делегатов с поселком.

После вступительного слова т. Станиславской — выступил т. Ритво с докладом о жизни поселка.

Владея слабо русским языком, он вкладывал в слова все-же понятный нам всем смысл и от этого его речь, насыщенная огнем и страстью — захватила всех присутствующих.

... „Радость при рождении теленка или цыпленка объясняется не тем, что все стоит денег, а тем, что хозяйство растет, что мы крепнем“.

... „Бодрость нас не покидает, мы живем одной мыслью как-бы сохраниться, как-бы пережить тяжелое время“.

... „Наша задача — сделать хозяйство товарным, прекратить голое потребительство“.

... „Культурно мы отстаем от города — возьмите над нами шефство, не забудьте нас, т.т. Полтавские рабочие“.

Он все больше и больше увлекается, слова оборванные и смятые вылетают легко и быстро и поддаются под напором новых слов, фраз и законченных мыслей.

... „Только рабочий класс, как хозяин в революции, может разрешить переселенческий и вместе с ним национальный вопрос“ — заканчивает он, вызывая бурю радостных аплодисментов и похвалы.

Выступают делегаты. Говорят т. т. Лемишко, Гречко, Львович, Фиш, Левина. Слово берет т. Боровский.

— „Я сам ехал сюда — говорит он — с таким настроением и мнением, что евреи не могут работать на земле, что здесь я найду карикатуру на земледелие. Но, осмотрев все своими глазами, я вижу обратное. Нас радует и удивляет, что евреи сумели освоить и обработать все эти земли. Процент убывающих из поселков самый незначительный.

Этим шагом вы, во-первых, спасли самих себя, а во-вторых, показали всем враждебным элементам, всем шипящим и сплетничающим, что из вас могут быть селяне не хуже других.

Я случайно узнал, что в этих местах никогда не сеяли буряков и лишь вы первые стали их прививать.

А виноградники? Видел их разве кто-либо здесь до вас?

Нельзя впадать в панику. На вас смотрят еврейские массы, мы, украинцы, весь наш Союз, весь мир. На вас смотрит история, смотрят целые эпохи. Вы должны знать о вашей роли. Не впадайте в уныние. Не всегда, спотыкаясь, ломают голову. Держите знамя выше. Стойте крепко на своих местах“.

Последние слова он говорит с волнением, которое передается всем присутствующим. Чувствуется, что он задел за живое, что речь идет о большом историческом явлении, от которого уже невозможно и стыдно уходить.

После него т. Бойко передает поселку библиотечку от имени Полтавского ОЗЕТ'а.

— Помните,—говорит он,— слова нашего Шевченко: „Боритесь — поборете“. Когда это станет вашим лозунгом и вашим знаменем — вы победите!..

* * *

Нас берут на ночевку. Я попадаю на квартиру к У.

Раньше он был мясником. В 1925 году „расквитался“ с финотделом и в числе первых 11 пионеров-переселенцев переехал на поселок. Теперь „обстроился“. Имеет 3 коровы, пару лошадей.

Я рассматриваю квартиру. Из небольшого коридора вход через кухню в большую столовую, из которой 2 двери ведут в 2 другие комнаты, служащие спальнями. Большие окна теперь раскрыты и широко впускают в комнаты вечернюю прохладу и монотонное стрекотанье сверчка. Воробьи здесь не боятся, так как их нет во всей окрестности. В доме только старики, сын угнал на пастбище лошадей, а там он уже за одно и рыбки наловит.

Мне ставят на стол дымящуюся сковороду со свежесжаренными карасями, и я аппетитно уплетаю плод

„изобретения Ритво“. Ведутся разговоры. Продолжаются расспросы. Хозяева уверяют, что земледельческая работа им нравится.

— Мы видим — говорят они, — что при прилежном труде и усердии здесь можно жить и даже не плохо.

— Мы хорошо возделываем землю, готовим пары, сеем чистосортными семенами, сеем траву, держим коров хорошей породы и результаты у нас лучшие, нежели у других.

— Вы спрашиваете, тянет ли меня в город?

— Теперь нет. Поселок для нас уже свой родной. Если бы только не страх голода и угроза оставления хозяйства из-за бескормицы — мы о городе и не вспоминали бы.

— О, если бы вы видели, как мы работаем, как выезжаем в поле, — добавил он, — вот эти руки (и он показывает огрубевшие, мозолистые руки) перенесли и холод и жару, могут еще работать и работают не без пользы для Советской власти.

Я чувствую искренность в его словах и продолжаю беседу.

Но скоро начинает клонить ко сну. Мне указывают место. И я засыпаю крепким сном, какой только бывает у людей после целого дня тряски, после сытного ужина и при убаюкивающем ветерке, врывающемся в полуоткрытое окно.

4 часа утра. Я встаю. Солнце взошло. Поселок оживает. Хозяина в доме нет, он уже давно уехал жать хлеб. Будет также травить сусликов, которые сильно развелись в поле благодаря засухе. Хозяйка хлопочет во дворе, выгоняя коров к идущим навстречу пастухам с длинными щелкающими кнутами. Слышатся разговоры, мычанье коров, кудахтанье домашней птицы. „День — на ногах“.

Я умываюсь. Предо мной чистое полотенце и кусок мыла „Тэжэ“. И когда я держу мыло в руках, то вспоминаю, что при исчислении бюджета еврейского селянина мы это обычно упускаем из виду. Мы не делаем надбавки на культуру и чистоту. Чистое полотенце и туалетное мыло — это неотъемлемое в семье еврейского переселенца, чего, однако, многие из нас не замечают.

Мы часто забываем, что еврейский переселенец — это житель местечка и города, привыкший к удобствам городской жизни.

Он знает театр, книгу, газету, организации, более культурные формы быта и, если он всего этого не застает в поселке,— у него в первое время создается личная и семейная трагедия.

Некоторые свыкаются с тем, что есть, некоторые малодушествуют и уходят из переселения, а большая часть ищет и создает, стараясь устроить жизнь в поселке „по-городскому“.

Многие, особенно из не-евреев, этого процесса не понимают и, относясь критически и недоверчиво к внешнему состоянию еврейского переселенца, создают анекдоты, усиленно распространяют их и авторитетно заявляют, что „такие“— хозяйства не построят, а лишь проедят данные им суммы.

Но кто умеет глубже смотреть на факты и анализировать их, тот понимает, что еврейский переселенец— это иной тип переселенца; который будет *по иному* прибывать к земледельческому труду и *по иному* строить свой быт.

Через час нас увозит машина из поселка.

Тепло провожающие земляки... Удаляющиеся квадраты домов... Едва сереющая пыль стада... А над всем этим южное горящее солнце.

Мы сидим тихо, а в головах незаметно рождается приятное сознание, что мы увидели краешек разворачивающейся истории, которая пишется на наших глазах и открывает большую главу в лучшее будущее...

4. Поселок „Прогресс“.

Мы уже давно расстались с харьковской делегацией — у них другой маршрут.

Машина мчит нас дальше мимо колонии „Излучистой“, в которой недавно построен по последнему слову техники

3. Уборка скошенного хлеба.

маслобойный завод, стоящий до 40 тысяч рублей, мимо сел и хуторов, мимо обнаженных полей и огородов. Поселок „Прогресс“. Старик в ермолке сгребаёт скошенный хлеб, а навстречу нам,—управляемая парнем лет 16, тройка лошадей везет жатку. Подъезжаем ближе. Нас обступают детишки, к которым присоединяются скоро и взрослые. Завязывается разговор.

— Откуда? Как давно здесь живут?

— Выходцы из м. Лозны, Витебской губернии, живем здесь с 1924 года. Приехало 30 семейств, осталось лишь 20, последние, однако, осели прочно. К земледелию привычны, так как занимались и в местечке земледелием.

— Почему переселились сюда?

— Там мало земли: по десятине на душу, а здесь по $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ дес.

Внешний вид поселка мало располагающий: хаты не помазаны, много соломенных крыш, часть коих снесена бурей, чистота далеко не безупречная. Объясняют бедностью. Помощи получили от Джойнта очень мало. Урожаи мало удовлетворительные. Но работают усердно и умеючи. Наемным трудом не пользуются. В поле выезжают стар и млад.

И, будто в подтверждение их слов, к нам приближаются с поля и огородов группы евреев и евреек с граблями и сапками в руках. Мальчик лет 10—12 смело скачет верхом на лошади, а невядалеке от нас пасется табун лошадей, охраняемый несколькими подростками. Лошадей у них достаточно—по 2 на хозяйство. Собираются сократить количество лошадей и заменить трактором.

Здесь, как и в прочих поселках, севооборот 6-типольный с применением трудоемких культур.

Ходим по огородам и убеждаемся, что они не плохие, значительно лучше, чем в прочих поселках.

— Чем объяснить?

— Тем, что здесь женщины работают больше, нежели в других поселках. Работают не только молодые, но и старики.

Нужно сказать, что переселенки вообще недостаточно втянуты в полевою и даже огородную работы. Хотя это и имеет объяснение историческое и бытовое, однако, факт налицо: женщина-переселенка занята по домашнему хозяйству и сравнительно мало участвует в с.-х. работе.

На наши вопросы неизменно отвечают: „неумение“, „непривычка“.

Аргумент слабый: в значительно меньшей степени были приспособлены 3—4 года тому назад мужчины-переселенцы к земледельческому труду, а все-же наемный труд вытеснен из переселенческого поля, за исключением разве отдельных случаев...

Поселок „Прогресс“ производит впечатление по внешности бедного, но экономически мощного поселка.

Этот поселок, как крепкий дуб, перенесет не одну бурю и распушится широкой листвою и крепкими ветвями! Хорошее имя избрал себе поселок!..

5. Старая колония.

Дальше и дальше. Мимо Ново-Ковно, старой колонии, существующей больше сотни лет, где жители связаны с земледелием через прадедов, но где достижения мало бьют в глаза. Нас сверлит вопрос: а не будет ли и с новыми поселками то же, что и со старыми колониями, где экономический уровень не выше, чем в окрестных украинских селах, а в некоторых случаях даже и ниже?

Неужели чем дальше, тем будут поселки опускаться и примут такой-же внешний вид, какой имеют в большинстве старые колонии с немазанными хатами, крышами без соломы и дворами без садов и без оград?

Но мы отвечаем себе: нет, так не будет! Старые колонии строились царским правительством для „отвода глаз“ и для „изоляции“ некоторой „лишней“ части евреев. Это было полуфилантропией, полумероприятием, и поэтому колонии стали полубольницей, полутюрьмой. Без помощи и внимания, предоставленные самим себе и окружающему враждебному населению, с молодежью, бросавшей колонию ради города, и с интеллигенцией, ренегировавшей еврейству, — колонии были уже давно обречены, если не на гибель, то на прозябание. И вот теперь мы в них замечаем результаты всего того, что было заложено в них в прошлом.

Совсем иначе обстоит с новыми поселками. Иные задачи у Советского правительства, иные экономические и политические условия, иной подход к разрешению национального вопроса, и тут-же: молодежь — как застрельщик, еврейская интеллигенция — как спутник, и пролетарская общественность — как руководитель. При таких условиях — переселение реально, поселки — жизненны, а еврейские массы — с будущностью.

Не будем, однако, суровы к Ново-Ковно; у них прекрасные виноградники, сыроварня, сады, приличный скот, а главное — старые селяне.

Есть кооперация, школа, детский сад, сельбуд.

Самообложились на 2¹/₂ тысячи рублей, сдали все излишки хлеба, раскупили на 4—5 тысяч облигаций. Ничем не хуже окрестных сел, а в части общественности, быта и культуры — пожалуй, значительно лучше.

6. Озетовка.

Такие-же поселки, но дома уже иные: меньшего размера и привлекательнее. Здесь проводит свою работу „ЕКО“ ¹⁾, которое, учтя ошибки Джойнта и опыт Укрозета, проводившего здесь раньше свою оперативную работу по обслуживанию переселенцев Никополья, поставило свою работу лучше Джойнта.

Дом обходится всего лишь в 500 руб. и по своему расположению удовлетворяет переселенцев больше, нежели большие дома.

Озетовка — это центр группы поселков, объединенных в один сельсовет. Поселки здесь более позднего времени: 26, 27 и 28-го года.

Много домов достраивающихся и закладываемых.

Отдохнув после полудневной тряски и обменявшись впечатлениями с пребывающей уже здесь Харьковской делегацией, мы начинаем обходить дворы.

Урожай такой-же, как и в прочих поселках, однако, люди заняты работой больше, нежели в прочих местах.

Зеленеют огороды, высятся ряды кукурузы, а во дворах идет спешная работа по хозяйству.

Огород П. Мальчик лет 13 водит нас по огороду, объясняя, когда посадили, когда пололи и т. п. Обнаруживаем, что огород прополол неудовлетворительно: внизу, где распустились длинные, вьющиеся „огудины“ арбузов — большая заросль травы. Тов. Лемишко нагибается, выдергивает траву и спрашивает парнишку: почему этот огород-баштан в таком состоянии. Он объясняет что-то, ссылается на агронома, но в общем смущается. В конце концов сознается, что проморгал: часть выполол, а часть оставил.

Двор Г. Проживают здесь недавно — 4 месяца. Прибыли из Харькова. До этого много лет занимались земледелием,

¹⁾ «Еврейское Колонизационное Общество» — благотворительная французская организация, поддерживающая колонизацию евреев во всех странах за счет многомиллионного наследства барона Гирша.

проживая в селе и арендуя землю. Любят эту работу. Хозяйство еще слабое; имеют 2 коров, которые дают доход хозяйству. Собираются приобрести еще одну корову, но боятся отсутствия кормов.

— Что, собираетесь уехать, боитесь неурожая?

— Что вы! Отсюда? Ни за что! Тут и померем. Перемучаемся до первого урожая, а там будет лучше.

А рядом с этим хозяйством расположено хозяйство У., бывшего ранее служащим в какой-то торговой фирме.

Два года сам пробыл, теперь приехала жена. В прошлом году урожай был не плохой, и он продал до 200 пудов хлебных излишков. Имеет уже 5 голов скота, стал заправским хлеборобом.

Мы замечаем непорядки во дворах: бороны кверху зубьями, плуги среди двора; нет навесов, мало курятников. Мазка хат, как и в прочих поселках, сделана не всегда — собственными силами. Ходим по поселку и видим во дворах коров. Здесь они не хуже, чем в остальных поселках. Упитанные и хороших пород (красно-немецкой и украинской), они свидетельствуют о том, что их хозяева взяли верное направление хозяйничанья и что в дальнейшем разведение скота будет едва-ли не основным и рентабельнейшим видом хозяйства, при увеличении травосеяния и посадке кормовых бураков.

Не будет преувеличением, если скажу, что корова еврейских переселенцев станет, вероятно, в самом недалеком будущем вернейшим проводником нашей торговой „смычки“ с заграницей, требующей хороший кусок сливочного масла и сыра.

В этом поселке уже заметно усиление дифференциации села: наряду с безлошадными и безкоровными — попадаются имеющие по 2—3 лошади и по 2—3 коровы, к которым беднота начинает относиться, как к окулачивающимся. Нужно сказать, что в еврейском поселке кулака на сегодняшний день еще нет, но в дальнейшем, в случае замедления темпа коллективизации — он будет, и даже будет развиваться стремительнее, чем в старых колониях или селах, так как материальные средства будут соединены с городским, бывшим торгашеским, опытом и благодаря таким „качествам“ кулак будет напористее. Первым препятствием на пути

кулака здесь, в поселке, уже стало организованное машинно-тракторное товарищество, включившее в себя 17 членов и имеющее трактор, которым поднято и разработано 46 дес. „пару“. (Это при общем количестве „паров“ в поселке в 150 десят.)

Мы осматриваем хозяйство нашего квартирохозяина Ш.

— Откуда он, кем был и как живет?

— Был рабочим на мыловаренном заводе в Подолии. Сокращен. Стал кустарем. Работать было тяжело и мало выгодно. А тут ОЗЕТ, членом которого давно уже состоял.

Начинается организация им группы для переселения на землю.

Приехал на ново-строющийся поселок с женой и 2-мя малолетними детьми. Жили в яме. Мокли под дождем. Бывали случаи, когда заливало яму и приходилось уходить к соседям в сарай.

Отстроил хату, и когда поселился в ней, был большой праздник, шутка ли: 2 комнаты, коридор, а над головой самая настоящая крыша, крытая железом. После построили сарай, погреб, птичник, навес. Есть лошадь, корова, пара овец и до 50 штук кур и уток.

В прошлом году баштан дал хороший урожай, и он выручил за арбузы до 75 рублей.

Работает с женой от ранней зари до поздней ночи. Выучившись у окрестных селян, сами делали „лампач“¹⁾, даже дети помогали месить.

— Как думаете хозяйничать в дальнейшем?

— О, он уже нащупал путь. Выкопал силосную яму, посеял 3 дес. кукурузы, урожай с которых даже при самых неблагоприятных условиях должен быть достаточный для собственных потребностей. Есть и запасец прошлогодней соломы, и кирпич для топки, будет хлеб, хотя и в очень малом количестве. Рассказывает о хозяйстве с восторгом. Чувствуется в нем не только пионер переселения, но и будущий культурный хозяин. При таком энтузиазме хозяйство может далеко пойти. Не отрывается и от культурной работы на поселке: он—председатель правления хаты-читальни, он—

¹⁾ Необожженный кирпич из глины, песку и соломы. В настоящее время «лампач» выделяется мало, его заменяет «литье домов» из такой-же массы по способу бетонирования.

председатель редколлегии стенгазеты, он же—руководитель драмкружка; сам пишет пьесы для кружка, режиссирует и разыгрывает их на сцене; сам же расписывает карриатурами стенгазету. Желу его мы видели в течение целых суток, но не видели ни минуты отдыхающей.

4. Кукурузное поле.

* * *

Среди переселенцев имеется несколько партийных т.т., которые входят в ячейку соседнего украинского села.

В Озетовке имеется ячейка КСМ, охватывающая 26 членов из 4 поселков. Ячейка пользуется большим авторитетом, чему особенно способствует участие комсомольцев в трудовой жизни своих хозяйств и проведение в жизнь наиболее культурных форм земледелия.

В поселке имеется библиотека в 800 книг. При хатенчитальне драмкружок, политкружок, с.-х. кружок и стенгазета. Организована ячейка ОСО-Авиахима, в которую уже вошло 20 т.т.

Молодежь вообще хороша, но здесь она прекрасна. Сколько бодрости, живости, понимания своих задач и целей! С каким энтузиазмом они говорят о своей работе, о достижениях, о борьбе с трудностями!..

А как они ставят спектакли! На подмостках у недостроенной хаты, в день „Рош-Гашпоно“ (новый год у евреев), чтобы отвлечь переселенцев от религиозного праздника, они поставили спектакль. Разыграли пьесу Чехова, переведенную ими же на еврейский язык.

5. Озетовка. Редколлегия стенгазеты.

Народу было много. Приехали и из окрестных поселков. О празднике забыли, больно уж пьеса хороша.

Сельско-хозяйственный кружок провел коллективный посев кукурузы, в котором принимало участие 40 человек. Результаты вполне удовлетворительные. Вот они ростки новой культуры. Вот она, эта молодежь, тянущая за собой на буксире недавнее прошлое, переделывая и подчиняя его богатому будущему...

* * *

— Вы спрашиваете о кооперации? Мы и здесь имеем достижения.

Недавно созданное потребительское товарищество объединяет 160 членов, из которых 35% уже уплатили полностью членские взносы. С.-х. товарищество кооперирует 86% переселенцев, которыми внесены пай в среднем по 4 руб. на члена.

При сельхозе строится маслозавод, сыроварня, случайный пункт, прокатный пункт для очистки зерна и... баня.

В поселках, объединяемых сельсоветом, имеется 11 сепараторных пунктов, принимающих молоко и отвозящих в ближайшие маслозаводы.

Кооперация не забыла и культурные нужды своих членов и содержит за свой счет детскую площадку на 35 детей, сытно питаемых и воспитываемых 2 воспитательницами.

* * *

... Мы уезжаем из поселка, а под шум и пыхтенье машины, мы засыпаем градом вопросов тов. Арала, агронома ЕКО, лишь недавно окончившего Херсонский агро-техникум, но сумевшего уже развернуть свои организаторские способности. Он отвечает медленно и серьезно. Цифры и факты. Он хочет нам коротко рассказать обо всем, что нас интересует (но так много есть о чем рассказать), и факты сливаются в длиннейшую повесть о том, как на безлюдной недавно степи вырастают поселки, а в поселках — большая трудовая жизнь, а жизнь прессыется в формы нового быта и хозяйствования, совсем не похожие на те, что были до сих пор.

— Вы говорите о недостатках. О, да, их еще много. Нередко применяется наемный труд для небольших работ, школы строятся неудовлетворительно, есть еще и антагонизм между переселенцами и коренным украинским населением.

Но вот вам достижения: всюду 6-типольный севооборот, большие пропашные клины, на 375 дворов — 800 дес. черного пара.

Из 375 дворов — 110 дворов объединено в 7 машино-тракторных товариществ. Имеется до 10 шт. силосных ям. Есть ряд фактов, когда украинские селяне приобретают у евреев переселенцев зерно, как посевной материал. Применяются, так называемые, „люцерники“, которым отведены особые участки земли.

На каждую семью приходится в среднем по 2 дес. пропашных, трудоемких культур. В течение ближайших лет будут заложены виноградники, для чего уже прибыли из заграницы тракторные плуги (для перевала).

Хозяйства переустраиваются и переходят с зернового на молочно-овощеский тип и на интенсивные культуры. Племенная книга зарегистрировала из всего имеющегося в участке скота до 25⁰/₁₀ племенного.

— Вы спрашиваете, как борются с антагонизмом, который иногда проявляется со стороны коренного населения?

— Это обычное явление и не только в отношении еврейских переселенцев. Кулак недоволен тем, что его лишили утаенной или за гроши арендованной земли; кулак недоволен, что он имеет рядом с собой культурных соседей; беднота видит в переселенцах своих друзей и это также снижает силу и авторитет кулака на селе.

Были факты, когда переселенцам угрожали изгнанием, когда их посевы подвергались потравам, когда новички зло осмеивались и служили объектом для анекдотов. Но таких фактов все меньше и меньше.

Окрисполком уделяет особое внимание подобным явлениям, а местная власть быстро реагирует на это, регулируя малейшие ненормальности во взаимоотношениях.

Мы ему советуем создавать совместные общие собрания с украинским населением, делая информации о своей работе и жизни, ходить в революционные праздники друг к другу в гости, обмениваться опытом хозяйственной работы и т. п.

— Да, это хорошая мысль, соглашается с нами т. Арал, и обещает применить ее на своем участке наряду с другими мероприятиями, которые проводятся местными переселенческими организациями.

Ничего, изживаем и это...

Новая жизнь ведь всегда рождается с муками...

* * *

Не успев сделать доклад о работе делегации на совещании в Никопольском райисполкоме, мы вынуждены спешить на пароход, чтобы уехать в Херсон.

Большой, чистый „Карл Маркс“ принимает нас в свои каюты и скоро мы плавно отъезжаем от пристани, а затем ускоряем ход мягко разрезая речную зыбь и глухо громяхая лопастями.

За нами — уменьшающийся Никополь, по сторонам — зеленые плавни, а впереди — густая грозовая туча, обещающая дождь и влагу.

Влаги! Влаги! Сколько силы таится в этих незначительных по внешности каплях воды. Сколько ценностей она несет с собой.

Никогда не казалась нам природа такой властной и жестокой, никогда мы не видели в ней такой сокрушительной силы...

Мы плывем дальше.

Позади — длинный, темнеющий след воды и скрывающееся Криворожье.

До свидания! До следующей встречи!

Через год или два мы будем здесь опять, чтобы сравнить и подвести итоги вашей работы, а через несколько лет вы, еврейские поселки, самым фактом своего существования откроете многим глаза.

Растите, развивайтесь и укрепляйтесь!

От вас ждут положительных результатов!

7. Калининдорф („Калининское село“).

...Это центр еврейского административного района. До районирования—Калининдорф был еврейской колонией, именовавшейся „Сейде-Менухе“.

Весной 1927 года здесь было отпраздновано создание первого в СССР еврейского административно-территориального района с наименованием его „Калининдорфским“.

В район входит 7 сельсоветов с количеством населения до 15 тысяч душ, в том числе и 1 украинский сельсовет в 1500 душ. Район, как и все районы округа, имеет свои административные учреждения и проводит свою работу на национальном (еврейском) языке.

В небольшом доме, отказывающемся вместить весь аппарат райисполкома, помещается канцелярия и некоторые отделения РИК-а, а рядом—расположена Раймилиция.

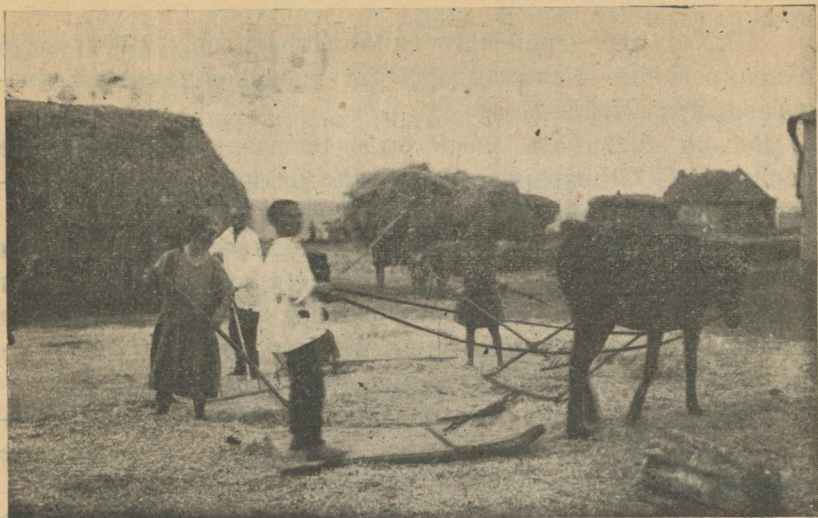
Калининдорф—большое село, имеющее за собой историю более, чем в 100 лет, однако, лишь теперь начинающее жить настоящей экономической и культурной жизнью.

Широкая улица с чистыми домиками и каменными оградами, нередкая зелень и сады сзади домов, вниз к реке Ингульцу. Улица очень оживлена и живописна: арбы с снопами, двуколки с бидонами молока, скот, идущий на водопой. Тут же и лавка кооператива, и сельбуд с тянущейся далеко вверх антенной радио, и дань прошлому...—частный буфет мороженника и продавца кваса. Во дворах идет работа по обмолоту кое-чего собраного с полей.

Калининдорф отличается по внешности от новых поселков, как большая железнодорожная станция—от вновь построенного полустанка. Это самое заправское село, со старым коренным населением (так называемыми „колонистами“), унаследовавшим еще от прадедов привычки и навыки земледельческого населения, но за то во внешности уступающее более современным, щегольски чистеньким переселенческим поселкам.

Расспрашивать здесь о труде, о привычках, о втянутости в работу также странно, как и в украинском селе; здесь можно уже спрашивать о результатах этого и последних сельско-хозяйственных лет, о росте села за последний десяток годов, о достижениях в сравнении со старым.

Вот хозяйство Ф.

6. Работа на току.

Земли — 20 десятин, лошадей 3, коров 3 и пара жеребят. Все члены семьи работают в хозяйстве и наемной силы и в страдную пору почти не применяют.

Мы подходим к току, на котором молотят хлеб. Подросток погоняет лошадь, а „сам“ — перебрасывает вилами солому.

Хозяйка, крепкая, загорелая селянка хлопчет по двору который свидетельствует о „достатках“ и „благополучии“.

Хозяин делает перерыв и охотно рассказывает нам о своем житье-бытье.

— Работаем с малых лет. И деды наши были земледельцами. Живем не плохо. В этом году неурожай нас постиг, а не то жить бы можно было. Соседи косятся на нас, кулаками обзывают. Ну какие-же мы кулаки? Работаем с утра до позднего вечера. Землю хорошо обрабатываем, и пары черные

имеем (5 дес. поднимаем на следующий год), пропашные, огород, как видите, не плохой сад поддерживаем. Все делаем — не ленимся...

— И я не сижу без дела, — вставляет хозяйка, — развожу кур, гусей, уток. Имеем до десятка овец. Вот, видите, и чулки сами вяжем, — показывает она плотные чулки из толстой шерсти, — всю зиму пряла, вот и есть что одеть. И полушубок из собственных овчин. И топливо готовим из навоза.

К хозяевам присоединилась их дочь, тоже селянка, приехавшая на несколько дней из соседней колонии, где она проживает со своим мужем.

Она села около нас и, растегнув ворот, стала кормить ребенка, обнажив при этом здоровую, загоревшую грудь.

Мы разговаривали, а ребенок, лениво смыкая глазами, громко чмокал губами, захлебываясь материнской грудью, которая, очевидно, также здорова, как и жизнь в здоровых условиях сельского труда...

Велика разница между этой селянкой и местечковой еврейкой, думал я при этом, и еще большей она будет, если еврейское местечко не аграризуется и не индустриализируется в ближайшие годы...

* * *

Я интересуюсь состоянием преступности в районе, и начальник милиции сообщает мне об этом подробно, оперируя цифрами и фактами.

За время с января по июль произошло:

2 случая хулиганства, караемого в уголовном порядке,

3 случая ограблений,

2 случая конокрадства

и 10—12 случаев краж.

Пытаюсь выяснить, откуда и какие грабежи, где корни конокрадства? Оказывается — грабежи были маловажные, без применения оружия, с отобранием главным образом хлеба, свозимого на мельницу.

Конокрадство — случайное, т. е. проезжая группа конокрадов вывела из села лошадей, часть коих уже разыскана.

Убийств не было, как и не было их и в прошлом году. Пожаров тоже нет.

Нарушений административного характера — больше.

Так, например, за время с 1 января по 20 июля зафиксировано 209 нарушений, из коих:

нарушений общественного порядка и тишины	24	случая
„ правил о торговле	6	„
„ правил о ЗАГС'е	4	„
„ правил хранения оружия	3	„
а остальное падает на производ. потравы .	172	„

— Кто у кого травит посевы?

— В абсолютном большинстве совершаются потравы еврейских посевов.

Потравы — объясняет нач. милиции, — временами носят массовый характер, тогда с ними чрезвычайно трудно бороться.

Суд у нас не загружен, — рассказывает мне судья, опытный судебный работник, недавно переброшенный из другого округа, быв. рабочий, сапожник. За время с 1/X 1927 по 1/VII 1928 года, т. е. за 9 месяцев, у нас состоялось 92 судебных заседания. За это время поступило 278 уголовн. дел и 456 гражданских.

Почти все дела уже рассмотрены.

— Каков характер дел?

— Уголовные такого характера:

неплатеж налогов	14	дел.
хулиганство	5	„
кражи	12	„
телесные повреждения, побои	50	„
оскорбление, клевета	40	„

При суде имеется один член коллегии защитников, однако, практика у него далеко не богатая: „сами обойдемся, говорят тяжущиеся, и сами законы знаем“.

Ничего не поделаешь. И дежурит защитник в пустующей консультации, а тем временем стороны перебивают друг друга на суде, доказывая, что „право на его стороне“...

* * *

Мы интересуемся коллективизацией в районе. Мы знаем, что единственным показателем роста села в современных условиях — это насколько сильны тенденция и практика коллективизации.

И мы получаем довольно отрадные сведения¹⁾: при организации Калининдорфского района там существовали лишь два незначительные по количеству членов и земли коллектива. В настоящее время в районе уже насчитывается 16 объединений, из них: 2 переселенческих с.-х. артели, 5 товариществ по совместной обработке земли и 9 машинно-тракторных товариществ (из последних — 6 переселенческих, организованных в последние месяцы).

Площадь земли этих объединений равна приблизительно 3.800 гектарам, что составляет 6% всей площади района, считая и не занятые еще („свободные“) переселенческие фонды.

Указанные объединения охватывают 220 семей и если считать, что фактически число семей в районе доходит до 2.600, то в объединениях находятся до 8,4% всех семей района.

По социальному положению в объединениях:

безлошадных	32 хоз. или 14,4%
однолошадных	131 „ „ 59,0 „
двухлошадных	59 „ „ 26,6 „

Таким образом, безлошадные и однолошадные составляют 73,4%, т. е. абсолютное большинство в объединениях состоит из маломощного крестьянства.

Из 16 объединений — 11 имеют трактора.

Из 220 хозяйств, входящих в состав объединений, состоит в организациях КНС — 146 членов.

В этом году был также проделан опыт перевода земельного общества в целом на статут товарищества по совместной обработке земли, для чего избран поселок Блюменфельд из 30 хозяйств, из коих 26 хозяйств бедняцких.

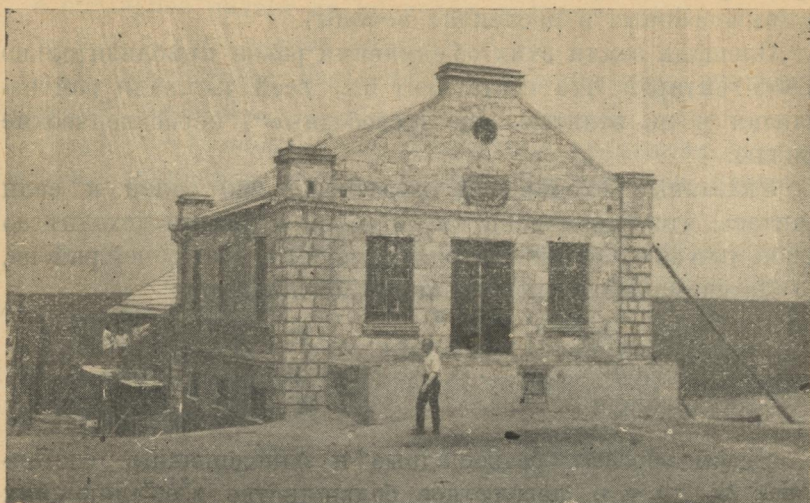
* * *

Кооперация здесь также развита. Потому ли, что Калининдорф более старое и культурное село, из-за того ли, что здесь сильная парт'ячейка — до 35 человек, потому ли, что тов. Сегал отказался от работы в окружном центре и работает в райземотделе в качестве агронома-коллективизатора,

¹⁾ Сведения эти взяты у т. Сегала, Райагронома.

стремясь охватить коллективами все отрасли переселенческого хозяйства, с.-х. товарищество объединяет 501 двор, т. е. 82% всех дворов, обслуживаемых товариществом сел.

Проводится большая кредитная и снабженческая работа. При товариществе имеются: сыроварня, цементная мастерская, случный пункт, прокатный пункт.

7. Калининдорф. Винодельня.

Организовано также скотарско-молочарское товарищество. Но особенно обращает на себя внимание — „Винодельческое кооперативное т-во“.

При въезде в село, сразу же бросается в глаза кирпичное здание с красивым фасадом. Это винодельня с погребами. Товарищество объединяет 172 члена (из коих 102 виноградаря и 70 садоводов).

Виноградники занимают площадь в 60 гект., при чем первая посадка винограда была произведена лишь в 1922 году. В 1927. году был первый сбор винограда и на каждое хозяйство пришлось в среднем по 28 пуд. винограду. Товарищество организовано лишь для переработки продукции своих членов на комиссионных началах.

Насколько выгодны операции товарищества для виноделов — могут иллюстрировать следующие цифры:

Из 1200 пуд. винограду было выработано 1000 вед. вина и каждый член товарищества получил в среднем по 5 руб. за ведро вина или 4 руб. за пуд винограду. При неорганизованном сбыте тот же пуд винограда мог быть продан не более, чем по 3 рубля за пуд.

Мы спускаемся в погреба, отстроенные лишь в этом году, на что затрачено 15 тысяч рублей. Погреба могут вместить до 10 тысяч ведер вина.

Цены на вино не высокие: 1-й и 2-й сорт — 70 коп. литр
3-й и 4-й „ — 60 „ „

При такой цене оно доступно и массовому потребителю, получающему, к сожалению, до сих пор не всегда доброкачественные вина по значительно высшим ценам.

* * *

Мы обследуем культурно-просветительные учреждения и выясняем, что при сельбуде находится районная библиотека с количеством книг до 500 экз. на еврейском, русском и украинском языках.

Библиотека высылает от себя передвижки и на периферию.

На еврейском языке имеются почти все классики, а на украинском: Шевченко, Винниченко, Гринченко, Панас Мирный и др.

Читателей не малое количество: до 800 чел., что составляет 40% населения села.

Кроме еврейских газет и журналов, имеются и украинские („Комуніст“, „Червоний Селянин“, „Батрак“, „Наймит“ и др.).

Особенно обращает на себя внимание культработа среди батраков, которых местный сельком охватывает в количестве 75 человек и из коих лишь 20 чел. не состоят членами союза. Батраки имеют при сельбуде свой „красный уголок“, охотно посещаемый и довольно полно обслуживающий батрацкую молодежь.

А недалеко от сельбуда находится синагога, старая, неремонтируемая и посеревшая от времени.

„Работа“ в ней проходит менее успешно.

„Не ходят молиться, — жалуется нам „шамес“ (синагогальный служка), совсем забыли синагогу, а мне из-за этого

не платят жалованья уже несколько месяцев и приходится подавать в суд на правление религиозной общины“.

Хоть и говорит нам „шамес“ с некоторым укором и обидой, однако, в его словах едва уловимо проскальзывает удовлетворение и гордость тем, что у них синагога пустует и разрушается, как и в остальных колониях: „нате, мол,— и наше село передовое, нечего коситься“.

...И будет синагога все больше и больше темнеть от старости и рушится от ветхости... И будет она завистливо коситься на растущий Сельбуд...

Таких синагогальных дней, как раньше, „шамес“ уже не увидит никогда!.. Сельбуд—вытеснит синагогу!..

Как выписывают газеты индивидуальные подписчики?

Вот цифры, взятые на почте, ютящейся вместе с телефонным и телеграфным аппаратами в одной комнате, в общественном доме, под одной крышей с сельсоветом.

4 переселенческих поселка и 2 старые колонии, насчитывающие 780 дворов, выписывают следующее количество газет и журналов:

	Евр. газет	Русск. и укр.	Журнал.	Всего	В среднем
На 1 января . . .	230	150	100	480	0,61 экз. на 1 двор
На 1 июля	170	130	60	360	0,46 экз. на 1 двор

Эти цифры говорят, что еврейский селянин и в культурном отношении не отстает от многих других, выписывая такое количество газет и журналов. А читаемость, конечно, значительно большая.

* * *

Нас всех интересует вопрос: растет ли еврейское село? Каковы тенденции роста?

В ответ на эти вопросы мы получили следующие цифры:

1. **Калининдорф** имел:

	В 1927/28 окл. году	В 1928/29 окл. году
Лошадей старше 4 лет . . .	198 голов	226 голов
Коров тельных	218 „	310 „
Садов	19,56 дес.	22,19 дес.
Винограду	35 дес.	38 дес.

2. Малая-Сейдеминуха.

	В 1927/28 окл. году	В 1928/29 окл. году
Лошадей старше 4 лет	129 гол.	140 гол.
Коров тельных	133 „	170 „
Садов	1,78 дес.	10,44 дес.
Винограду	8,89 „	15,56 „

3. 21 участок (переселенческий)

Лошадей старше 4 лет	166 гол.	197 гол.
Коров тельных	8 „	29 „
Телят	3 „	10 „
Едоков	166 чел.	197 чел.

Разделов Калининдорф почти не знает: до прошлого года здесь было зарегистрировано 2 разд. акта, и лишь в этом году, очевидно, в связи с прогрессивной формой обложения с.-х. налогом, имеется уже 8 разделов дворов.

Эти цифры свидетельствуют, что хозяйства, как старых колонистов, так и переселенцев, принимают уклон молочно-водческий и в сторону развития интенсивных культур.

Нужно заметить, что интенсивные культуры привлекают еврейского земледельца больше, нежели зерновые культуры.

Очевидно, здесь играет роль стремление получить наилучший экономический эффект от своего хозяйства и возможность применения труда женщин и детей, что при чистом виде полевого хозяйства является более трудным в силу физических, традиционных и иных причин.

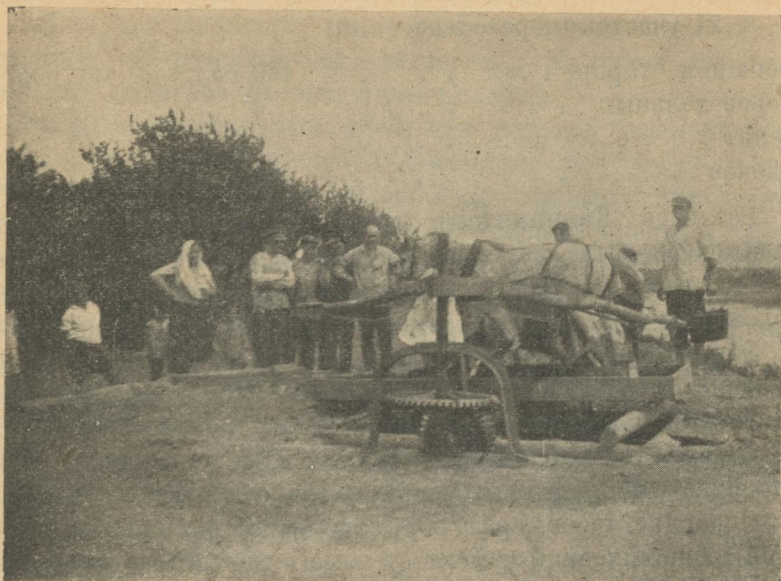
Мы заметили, что виноградники обрабатывают, главным образом, женщины, которые и „защищают“ эту отрасль хозяйства в то время, когда участие женщин в полевой работе сравнительно небольшое. Очевидно, что и в дальнейшем тенденция к интенсификации хозяйства не будет уменьшена и мы, таким образом, будем иметь в еврейских селах иной, более высокий, уровень сельского хозяйства, чем установившийся в хозяйствах соседних украинских сел.

* *

Говоря об организационной стороне нашей поездки, следует указать, что места, а, главным образом, районный центр, не были достаточно подготовлены к приему делегаций.

Правда, в этом году было обилие рабочих делегаций: мы, Харьковские, Луганские, Днепропетровские, Ленинградские, Шевченковские и другие. После нас ожидали Киевлян.

Вначале приезд рабочих делегаций вызывал большой интерес у местных работников и у населения, но в последние

8. Поливка садов.

дни стала у них замечаться усталость и некоторое, едва уловимое, недовольство.

Объясняется это, раньше всего, неурожаем, постигшим их, вследствие чего нередко было затруднительно доставать хлеб и корм для лошадей, а, во-вторых, невозможностью обслуживать делегации достаточным количеством проводников, средствами передвижения и статистическими данными, которыми очень интересуются участники делегаций. Кроме того, делегации, не имея точных и заранее проработанных маршрутов, нередко посещали одни и те же места и скоплялись в одних и тех же участках, не посещая в то же время другие, „заброшенные“ пункты, не видевшие у себя за все время ни одного постороннего лица.

„Прибытие рабочих делегаций весьма полезно для переселенцев — говорит нам т. Сегал, т. к. последние подтягиваются и приучаются к мысли, что на них смотрят извне, а потому нужно быть лучшими“.

Однако... что скажет тов. Сегал, когда в будущем году количество рабочих делегаций значительно увеличится и им на местах придется уделять этому факту значительное внимание.

А нужно знать, что количество рабочих делегаций на еврейские поселки будет из года в год увеличиваться. До тех пор, пока среди широких трудящихся масс, не будут распространены точные сведения о жизни и быте еврейских переселенцев, до тех пор к ним будут ездить из всех уголков СССР рабочие делегации, чтобы убедиться воочию, что творится на местах и чтобы подвести итоги достижениям и недостаткам переселенчества. Рабочий класс является хозяином страны и руководителем государства и он хочет знать, каково положение в той или иной части народного хозяйства или отрасли государственного управления.

Переселение же является не только фактором экономического порядка, но и весьма важным политическим событием и, понятно, что внимание к этому движению будет и в дальнейшем со стороны партии и со стороны пролетарской общественности самое бдительное, неустанное и повседневное. К приему рабочих и иных делегаций должны подготовиться органы местной власти, общественные организации и центральные организации ОЗЕТ. К этому должно быть готово и население.

8. Шолом-Алейхемский сельсовет.

Мы приезжаем на 18-й участок, являющийся центром ряда поселков и на территории которого находится Шолом-Алейхемский сельсовет.

Картина урожая такая-же безотрадная, как и всюду: все выгорело и только кое-где колышутся поблекшие верхушки кукурузы.

Здесь — „хорошая земля, да небо плохое“, как правильно сказала одна молодая переселенка.

На степи почти не видно людей, и лишь изредка мимо нас проезжает тяжелая арба, нагруженная снопами.

Мы остановились на квартире у местного учителя Хромченко, радушно предоставившего в наше распоряжение свою большую комнату с единственной кроватью, столом и парой стульев.

Отдохнув, мы расспрашиваем о житье-бытье, о причинах недорода, о перспективах.

Он долго и толково нам рассказывает об условиях местной жизни, о причине частых недородов в поселках, о перспективах. Причины недорода, конечно, лежат в условиях климатического характера, однако, имеется ряд причин, обуславливаемых и нашей неопытностью и ошибками агрономии.

— Имеются также факты неопытности хозяйничанья. Например: все засеяли в прошлом году много кукурузы, а некоторые и по 10—12 дес., считая, что при всяких климатических условиях эта кукуруза „вывезет“. Оказалось, что для обработки и уборки пришлось прибегнуть к найму рабочей силы и это настолько удорожило продукцию, что ее невозможно было продать и по себестоимости. В прошлом с.-х. году, по совету агрономов, переселенцы продали сено по 15 коп. пуд, совершенно не учтя, что в последующих годах, в случае недорода, это сено может спасти от голода скот.

— Имеются ошибки и в виноградарстве: многие закладывают виноградники при усадьбах и на небольших участках, а это означает, что виноградники не будут иметь товарный характер и, кроме того, охранять такие виноградники от домашней птицы и животных значительно труднее, чем большие массивы виноградников, которые обыкновенно обрабатываются и охраняются коллективно.

— Применяется ли переселенцами наемный труд?

— На полях не применяется и не допускается. Бывали случаи, когда даже снимали с поля тех, кто работал не на своей земле. За всем этим зорко следят сельсовет, земельные старосты и агрономы. Бывают, конечно, исключения для лиц, лишившихся трудоспособных членов двора, или в иных случаях, но таких исключений не много. Есть у нас и безлошадные, но они имеют возможность обработать свою землю через тракторное товарищество и, таким образом, и из этой области вытесняется наемный труд и кабальная сделка.

* * *

Рядом с нашим домом, в нанятом у переселенца помещении, находится детская площадка.

До 50 детей дошкольного возраста с близлежащих поселков приезжают ежедневно по утрам на дежурных подводах, и увозятся по вечерам по домам. Целый день стоит во дворе веселый шум и гам, и лишь вечером, уставшие и загоревшие, они находятся у себя дома.

Вот они проходят мимо нас с флажками и палочками и распевают какую-то песенку, в которой то и дело слышится слово „арбайт“ (работа). Это — вырастает и воспитывается будущая, самая настоящая армия труда, но вероятно уже не индивидуального хозяйства, а коллективного, того самого, контуры которого виднеются в раскинувшихся невдалеке полях с 6-типольным севооборотом, в больших квадратах строго распределенных участков земли по отдельным видам культур, в системе контроля за этим со стороны агрономии.

Недалеко от детплощадки помещается почта с телеграфным аппаратом и тут же, по близости, лавка потребительского товарищества, сельхозкооператив с сыроварней, помещение агрономов и медпункт.

Мы знакомимся с потребительским товариществом и выясняем, что последнее насчитывает 435 членов, товарооборот в течение 9 м-цев составляет 45 тысяч рублей, однако, паевой капитал едва достигает 3-х руб. на пайщика. Объясняется это, очевидно, очень развитой коммерческой

9. Сыроварня.

работой товарищества за счет недостаточно развернутой кооперативной.

В лавке имеются все необходимые товары массового потребления и с.-х. назначения.

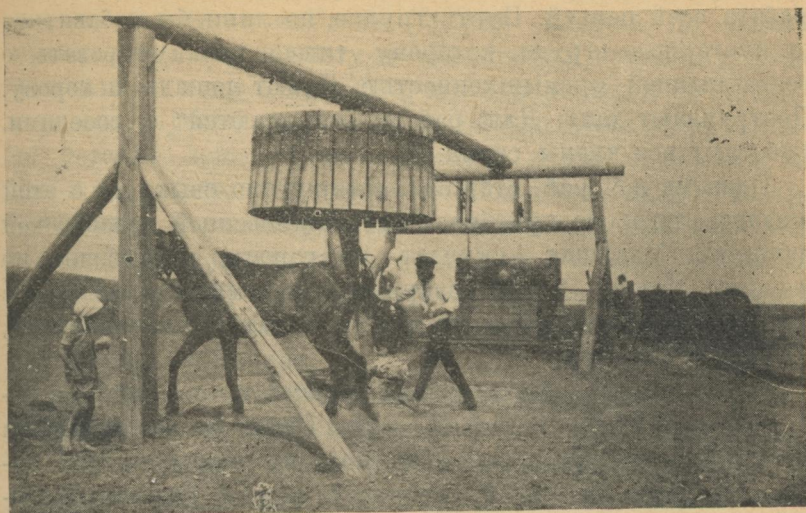
В лучшем состоянии находится сельхоз. кооперация, охватывающая 410 дворов и имеющая 2800 руб. паевого капитала (по 7 руб. на пайщика), а также оперирующая вкладами пайщиков в сумме до 5 тысяч рублей, которые предназначаются переселенцами для нужд строительства, покупки скота и т. п.

* * *

...Мы проезжаем 6-й участок. У колодца рассыпалось стадо упитанных коров. Преобладает красно-немецкая порода. Лежат и жуют, отмахиваясь от мух.

Тут-же колодезь, глубиною в 28—30 саж. Для вытягивания ведра воды из него требуется от 3 до 5 минут. Отсутствие воды, вернее, трудность получения ее,—является

бичем для переселенцев. Один такой колодезь обслуживает целый поселок, а нередко два и, естественно, что для получения воды приходится затрачивать не мало времени и сил. Устроены колодцы так: над колодцем имеется деревянный барабан, к которому прикреплен большой стальной трос, на двух концах которого привешены бадьи.

10. Вытягивание воды.

Лошадь, идущая по кругу, тянет дышло, прикрепленное к барабану, вертящемуся все время в одном направлении. Одна бадья идет вверх, а другая вниз. У колодца стоит громадный чан и корыто.

Переселенцы качают воду по очереди, а в исключительных случаях тот, кому она нужна. Особенно становится трудно, когда колодезь „портится“, т. е. когда обрывается трос или ломается барабан: тогда целый поселок живет без воды, допивая жалкие остатки, имеющиеся во дворах, или доставляя воду из других поселков. Говорят, что в других поселках имеются артезианские колодцы, но здесь их нет, и переселенцы мечтают о них и о моторах к колодцам, благодаря которым можно будет доставать воду быстрее и в большем количестве.

Мы едем дальше. Встречаем в поле работающую семью С.—отца, сына и 3-х дочерей, младшей из коих 11 лет.

Скосили недавно ячмень, теперь они везут его на гумно. Пробуем ячмень: хоть и высох немного, а все-ж хорошего качества.

Узнаем про семью. Родом из Киева. Отец занимался сапожничеством. Состарился. Чем дальше, тем труднее жить. Дети — не „пристроены“, нет работы. А тут переселенчество. Манит новая жизнь, здоровая жизнь, а главное — работа всей семьей. Пусть трудно, но лишь-бы избавиться от кустарного труда, которому тяжело конкурировать с возрастающей промышленностью. Имеют лошадь и корову. Достраивают хату. Для работы „спрягаются“ с соседями. Работают все члены семьи.

Одна из дочерей, старшая, совершенно свыклась с этой жизнью, загорела, приобрела вид обыкновенной деревенской девушки. Младшая — скучает по городу, а особенно по родному Киеву. Она разговаривает с нами и в ее голосе звучит редко слышимая здесь, в поселках, нотка сожаления, упрека и зависти.

Город еще влечет ее своими чарами и она силится побороть их, чтобы отдаться селу. Силится, но молодости много, а сил еще мало... и поэтому она с такой грустью говорит о прежней, городской жизни, где есть электрический свет, мощная улица, кино и много, много удовольствий... Она не понимает, что город не может принять лишней и ненужной ему рабочей силы и что деревня, несмотря на аграрное перенаселение, при повысившейся технике и механизации, — может вобрать в себя огромное количество рабочей силы. Она не понимает также и того, что при наших условиях — различие в условиях жизни между городом и деревней начинает все больше сокращаться. Будущее — ей не понятно, настоящее — не легкое, а прошлое — своими воспоминаниями тянет к себе и зовет, и манит обратно в город... Отсюда неудовлетворенность и нотки ропота и сожаления.

* * *

8-ой участок. Поселок состоит из 30 семейств, выходцев из Подоллии. Работающий народ и дружный. В прошлом — рабочие и служащие. Торговцев, по их словам, нет.

Мы созываем общее собрание поселка и несмотря на то, что предварительной подготовки к собранию не было, комната скоро наполняется людьми. Босые, с соломой в бородах и ушах, с крепкими телами, выглядывающими из-за заплат одежды, они вносят с собой здоровый загар и упругость мускульного труда. Тут же женщины и дети.

Около нас вертится 10-тилетний сынишка уполномоченного сельсовета — Миша. Он уже большой. Он недавно приехал со степи на возу с накопленным ячменем и будет помогать на току в молотье, а вот попозже, к ночи, когда горизонт глубоко спрячет за собой уходящие лучи солнца, он погонит лошадей на пастбище и там, с такими же, как и он ребятами, будет пасти лошадей и, сидя у костра, петь песни и разговаривать с товарищами, как взрослый, о лошадях, коровах, траве, урожае и обо всем том, с чем он, Миша, из еврейского местечка Подолии, не был совершенно знаком 3 года тому назад и с чем он уже теперь так крепко сроднился.

Мы открываем собрание. Доклад о жизни поселка делает уполномоченный сельсовета.

Он рассказывает, как в 1925 году они сюда переселились, как обучались у окрестного украинского населения земледельческому труду, как, наконец, они становятся „настоящими хлеборобами“.

После него выступает гр. Р. и говорит:

— Мы просим рассказать рабочим, пославшим вас, обо всем, что вы здесь видели.

— Всекие слухи о том, что еврейские переселенцы сами не работают, а эксплуатируют чужой труд — неправдивы.

— Мы приобщились полностью к труду и стали селянами, пусть не такими еще, как украинцы, но ведь мы всего лишь 3 года, как стали селянами. Это надо учесть и после этого вам станет более понятным наша жизнь!

Л.:

— Когда мы приехали — мы жили в бараках и землянках. Когда у нас не было собственного хлеба, — мы пекли хлеб для окружающих поселков и получали за труд хлеб. Теперь мы живем лучше. Мы кооперированы и мы не только не прибегаем к наемному труду, но еще и помогаем работать соседним поселкам...

Не выдержала и попросила слово Р., стройная девушка, с копной густых волос, то и дело упрямо покрывающих высокий лоб. С энтузиазмом, присущим молодежи, она высказала все то, о чем думали присутствующие, но что удалось высказать лишь ей молодой, да к тому-же комсомолке, учащейся в агрошколе.

— Мы понимаем историческое значение переселенчества и поэтому выполняем все то, что от нас требуется. Несмотря на то, что 8-й уч. постиг недород не меньше, чем другие участки, все семьи на местах и никто не собирается уезжать. У нас есть еще прежний энтузиазм, с которым мы пришли из городов и местечек. Мы все кооперированы. В КНС состоит вся беднота. У нас организованы тракторное товарищество и товарищество по совместной обработке земли. Мы, 8-й участок, идем впереди в части преодоления трудностей. Мы верим, что впереди нас ждет лучшее...

Последние слова мы еле расслышали из-за гулких аплодисментов присутствующих, громко высказавших радость услышанному и солидарность сказанному. Мы присоединяемся к ним.

Тов. Лемишко, член нашей делегации, „не выдерживает“ и берет вне очереди слово. „Мы видим,— говорит он, что еврейское селянство работает и трудится. Мы видим, как вы всеми усилиями стремитесь изжить свои старые традиции и привычки, унаследованные от столетий. Наша просьба, просьба рабочих— не падайте духом. Помните, что еврейские трудящиеся массы стали на верный путь и сходить с него не должны“.

Еще выступления, еще вопросы и ответы. Но что это? Что это за новый, неслышанный доселе, тон? Что за гордость „своим“ „8-м участком“? Откуда это соревнование и самоуважение, которое вырастает обыкновенно у людей лишь в течение большого количества времени. Неужели все это лишь самомнение или хвастовство перед „чужими“ людьми, со скрытыми в глубину себя недостатками?

По моему мнению, нет! Это начало ростков, которые должны в ближайшее время распуститься ярким цветом всюду, где будут расти еврейские поселки. Это радость бытия, радость продуктивного труда. Это сознание своей полезности стране и важности участия в социалистическом

строительстве. Это то, чего не могло быть у них тогда, когда они скупали зерно, продавали мануфактуру или чинили обувь.

Гордость и сознание своего значения и значения своего труда вырастает у людей здоровых, у людей сильных.

Еврейские бедняцкие массы становятся такими. Переселение их перерождает.

* * *

С нами едет в качестве сопровождающего тов. Левенберг, секретарь местной ячейки, он же — член сельсовета, председатель КНС, член совета с.-х. кооператива и т. п. и т. п.

— Кто он такой?

— Служил до 1924 года в Красной армии. Демобилизовался. Услышал про переселенчество. Приехал сюда. Начал заниматься хозяйством. Как член партии, организовал ячейку, руководит многими организациями.

— Занят ли он?

— Еще бы. Очень много времени занимает общественная работа. Трудно с хозяйством справиться. А ведь надо быть примерным хозяином. Как-же, коммунист! Каждый смотрит и присматривается.

Правда, краснеть нечего. Хозяйство хорошее: пара лошадей, 2 коровы, необходимый инвентарь, хата, а главное — хорошо обработанные поля.

И т. Левенберг нам рассказывает о том, что у них на 19-м участке существует одно товарищество по совместной обработке земли, начало будущего полного коллектива, и что у них обработаны поля лучше, чем в прочих поселках. Мы делаем крюк, и скоро приезжаем на поля 19 участка.

Справа и слева стоят зеленые ряды кукурузы. Широкие черные дорожки между рядами прополонны и настолько чисты, что, кажется, будто вот только перед нашим приездом они были начисто выметены.

То там, то сям стоят еврейские парни с сапками в руках и очищают „дорожки“. Чувствуется, что эта кукуруза, на редкость уцелевшая в полях, представляет собою не только наиболее ценное для них, но и наиболее любимое и поглощающее много труда и усилий. Кукуруза для них — далеко не „антисемитская“ культура.

— О, такой кукурузы, как у нас, ни у кого нет!— с гордостью и волнением говорит нам т. Левенберг, показывая рукой раскинувшийся далеко пропашной клин.

Мы едем дальше и видим, что зеленеющая кукуруза далеко, далеко раскинута кругом и всюду готова оплатить вложенный труд.

А навстречу нам, возвращаясь с работы, едет подвода, на которой сидят переселенец с женой и грудным ребенком.

Мы долгое время молчим, предаваясь мыслям, а тов. Левенберг точно про себя говорит вслух: „не могу оторваться от поселка — тянет, как магнит“...

В'езжаем на 18 участок. Впереди—возвращающееся домой стадо коров, по бокам—дома, на которых теряются лучи заходящего солнца, а сзади—зеленые ряды кукурузы, жадно впитывающие вечернюю прохладу.

Поселок оживает. Дневной труд заменяется вечерним шумом и гамом.

Нам предстоит провести здесь вечер, последний вечер Полтавской делегации в еврейских переселенческих поселках...

* * *

Сельсовет охватывает 8 поселков. Скотообеспеченность такова:

- а) лошадьми: 151 двор однолошадных,
192 двора двухлошадных,
12 дворов с 3-мя лошадьми
и 34 двора безлошадных;
- б) коровами: с 1-й коровой — 71 двор
с 2-мя „ — 126 „
с 3-мя „ — 13 „
с 4-мя „ — 7 „
и безкоровных — 71 „

Медпомощь оказывается в амбулаториях, а больница находится в райцентре.

На 17-м и 2-м участках строятся бани.

Слабее ветпомощь: на все 8 поселков лишь 1 ветпункт.

В начале этого года было проведено самообложение, которое дало по всему сельсовету 1200 рублей. Деньги израсходованы на приобретение племенного скота, на ремонт колодца и т. п.

Но что неприятно бросается в глаза — это неудовлетворительное состояние благоустройства и чистоты: много хат не побелено, нет изгородей, посадки, цветов, а главное — *почти во всех поселках нет уборных и нет мусорных ям.*

Мы на это обращаем внимание переселенцев и даем им настоящий „бой“.

Некоторые сознаются, что это оплошность, а некоторые считают, что это неважно.

Один из них, желая себя оправдать, говорит: „вот у нас вы заметили этот недостаток, а ведь и в украинских селах почти нигде нет уборных, а те значительно больше нас хлебобобуют“. Мы удивлены.

— А культурный уровень? А привычки прошлого? А образцовый внешний вид поселка? Разве нужно равняться по украинским селам в части антисанитарии, почему же не равняться по более культурным хозяевам — немецким колонистам? Это не ответ. Переселенцам необходимо повести борьбу за благоустройство, за санитарию. Как борьба с вошью и нечистоплотностью будет вестись у них в недалеком будущем через сеть строящихся бань, — так и борьба за уборные должна вестись массовой постройкой их.

Молодежь нас поддерживает в этом вопросе, молодежь ведь всегда восприимчивее.

И мы слышали обещания после наших замечаний, что они в ближайшее же время приступят к постройке уборных и выгребных ям во дворах.

Посмотрим. Рабочие делегации запишут это себе, как задолженность переселенцев, и проверят в будущем, как они платят „долги“.

* * *

Мы узнаем об одном прекрасном и оригинальном начинании в поселке: на 6 и 18 участках имеются 2 пионерских виноградника по 400 сажен каждый.

Для этой цели уже организовано по особому уставу „виноградное товарищество пионеров“, в которое входит 32 члена и которое имеет правление и ревизионную комиссию.

Работой товарищества, как и работой в виноградниках, руководят агрономы, которые, нужно отдать им справедливость, проявляют самое любовное и внимательное отношение к этому молодому кооперативу.

С осени предполагается расширить площадь виноградников, а пока — вербуются еще члены, сохраняются насаждения и делаются приготовления к сбору урожая.

* * *

Стало темно. Мы, делегаты, в сопровождении большой группы местной молодежи и приехавших с окрестных поселков комсомольцев, направляемся в помещение с. х. товарищества на собрание, посвященное нашему приезду. По дороге кто-то затягивает украинскую песню. Мы все поем. Другая группа поет еврейские, а затем также присоединяется к нам.

Окруженный молодежью и выделяющийся среди нее своим ростом, т. Лазько (делегат, украинский учитель), становится их организатором и скоро мощная украинская песня громко разносится над смолкнувшим поселком.

Я прислушиваюсь к звучной стройной песне и на ум приходит мысль, что вот ведь только у нас, в Советском Союзе, возможно, чтобы в еврейском поселке распевались бы любовно наравне с еврейскими песнями и украинские и чтобы в приехавших украинских товарищах видели своих действительных друзей, единомышленников и доброжелателей.

Этого нет и не может быть там, за нашими границами, в странах, так называемой, „демократии“.

И я мысленно говорю себе: Да, Шолом-Алейхем! Мог ли ты когда-либо поверить, что в такой небольшой срок после твоей смерти на территории бывшей царской России будут существовать сельсоветы, среди которых будут и национально-еврейские, один из коих будет носить твое имя. Предполагал ли ты когда-нибудь, что потомки гайдамаков и сынов Запорожской Сечи будут ходить в обнимку с *еврейскими* парнями по *еврейскому* поселку, балагурия и дружно распевая песни!..

... А когда глубокое, темное небо покрылось блестящей россыпью мигающих звезд, мы открыли общее собрание переселенцев. Повестка дня небольшая: доклад представителя сельсовета о жизни в поселках и доклад делегации о ее работе.

Полились речи. Говорили делегаты, говорили переселенцы. Прения затянулись до часу ночи.

Из выступавших делегатов обратила на себя внимание речь т. Лазько.

— Когда я спорил с антисемитами и врагами еврейского переселенчества — говорит он — я не был достаточно вооружен. Я знал и чувствовал, что мои противники ошибаются. Но противопоставить им факты я не мог. У меня их не было. Теперь я на опыте убедился в правдивости моих доводов. Я получил факты и новые доказательства. И все, что я видел, подкрепило меня духовно, и я готов еще страстнее, еще сильнее защищать правильность идеи переселения еврейской бедноты на землю.

— Фото-снимки, которые я произвожу, должны будут убедить и ваших врагов в том, что вы работаете, трудитесь и создаете цветущие поселки на тех местах, где еще недавно была мертвая и безводная степь.

— Продолжайте строить свои поселки!

— Продолжайте свой полезный труд!

Плавная речь на красивом украинском языке словно очаровала присутствующих, и переселенцы, слушая это, поняли, что языком этого украинского интеллигента говорит голос настоящей украинской интеллигенции, той интеллигенции, которая отрешилась от националистического угара и шовинизма и влилась в интернациональное шествие трудящихся масс во имя общих целей и общей борьбы.

Выступления подходили к концу. И нужно было видеть энтузиазм, который царил среди присутствующих и, нужно было слышать пламенные речи, произносимые молодежью, чтобы понять, почему т. Гречко (делегат, рабочий беконной фабрики) так глубоко и так искренно, с дрожью в голосе, сказал свое слово. А сказал он вот что:

— Товарищи, я взволнован... То, что я видел здесь у вас, больше того, о чем я могу сказать... Я не ожидал этого увидеть. Я ехал сюда с предубеждением против еврейского переселенчества, с недоверием к вам, а уезжаю с наилучшими впечатлениями и настроениями.

Вы не только трудитесь и строите новую трудовую жизнь, но и создаете настоящий интернационал. Мы дружно пели „Интернационал“ на 3-х языках, и все это сделало

во мне, беспартийном, рядовом рабочем, глубокий переворот. Я вас благодарю за все, что я видел у вас... Считайте меня своим лучшим другом... Да здравствует еврейское селянство! Да здравствует интернационал рабочего класса!

Последние слова покрылись бурей аплодисментов и сжались в кольцо сплотившейся массы, почувствовавшей в нем, рабочем из беконной фабрики, действительного представителя пролетариата, у которого национальные перегородки уступают место классовой солидарности и интернационализму.

Мы уезжаем. Сердечно прощается с нами молодежь, оставшаяся для проводов. Провожает кое-кто и из стариков. Даются обещания помнить и писать.

Даются обещания продолжать попрежнему работать на своих местах.

Прощай, 18 участок!

Прощай, Шолом-Алейхемск!

...И две арбы увозят нас, оставляя за собой поселок с людьми, умеющими тонко понимать и правильно разрешать поставленные историей вопросы.

* * *

На этом можно закончить. Путевые заметки исчерпаны. Слово остается — за жизнью, которая творится на полях еврейских поселков и за людьми, приобщающимися к новому труду и к новым формам бытия.

Слово за теми, „кто был ничем, — а станет всем“.

С. Эпштейн.

Июль—Август 1928 г.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00972322

7

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧЕБНА